

8684 Кузнецов Степан Иванович 1897

Приказ

Начальника 3-го подразделения Цесового лагеря

«СПАССКАЯ КРАСАВИЦА»

14 лет в ГУЛАГе агронома Кузнецова

Приказываю:

1. Освободивший сорт помидор назвать "Спасская красавица."
2. Агроному с/к ЮЗНИКОВУ С.И. за добросовестную работу и за введенный сорт помидор "Спасская красавица" объявить благодарность с выделением в личный доход денежной премии в сумме 100 /око / рублей, за производство *самого лучшего*.
3. Начальнику 3-го с/к участка тов. А.А. и старшему агроному с/к ДАНИЛОВУ для размножения сорта помидор "Спасская красавица" посадить в 1955 г. на помидор для семенных целей.

Копия

Данилов
/ ДАНИЛОВ /

Очевидцы эпохи

**«Спасская красавица». 14 лет
агронома Кузнецова в ГУЛАГе**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

«Спасская красавица». 14 лет агронома Кузнецова в ГУЛАГе /
«Издательство АСТ», 2019 — (Очевидцы эпохи)

ISBN 978-5-17-114480-7

Появлению этой книги на свет предшествовали 10 лет поисков, изучения архивов и баз данных, возвращения имен, вычеркнутых в период советских репрессий. Погружаясь в историю своего деда, Сергей Борисович Прудовский проделал феноменальную работу, восстановив информацию о сотнях людей, пострадавших от государственного террора. От интереса к личной семейной истории он дошел до подробного изучения «Харбинской операции», а затем и всех национальных операций НКВД, многие документы которых не исследованы до сих пор. Книга позволяет проделать путь Сергея Борисовича за несколько часов: проследить историю его деда, пережившего 14 лет лагерей, и изучить документы, сопровождавшие каждый этап его жизни. Надеюсь, что этот труд будет для многих наших соотечественников примером поиска информации о своих репрессированных родственниках и возвращения их судеб из небытия.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114480-7

, 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Введение	7
В угоду культа личности	9
Предисловие автора	9
1. Арест	10
2. Обыск в квартире	12
3. В тюрьме на Лубянке[9]	13
4. Начало следствия	15
5. В Лефортовской тюрьме	17
6. Смена следователя	19
7. В Сухановской тюрьме	23
8. Снова в Лефортовской	28
9. На правеже	30
10. Окончание следствия и подписание ст.206	33
11. Ознакомление с материалами следствия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Прудовский

«Спасская красавица». 14 лет в ГУЛАГе агронома Кузнецова

Выражаем признательность за неоценимую помощь в подготовке текста Я. Рачинскому, председателю правления Международного Мемориала

Роман Романов, директор Музея истории ГУЛАГа, руководитель Фонда Памяти

© Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», текст

© И. Щербакова, предисловие

© Р. Романов, аннотация

© С. Прудовский, фото из семейного архива

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Мемуары Степана Ивановича Кузнецова, которые публикуются в этой книге, взяты из обширного архивного собрания общества «Мемориал».

По жанру их можно было бы отнести к «типичным» лагерным воспоминаниям представителей новой советской интеллигенции 1930-х годов: инженеров, учителей, врачей и т. д., ставших жертвами массовых репрессий. Почему именно эти записки выбраны для публикации и чем интересны для сегодняшнего читателя?

Агроному Кузнецову, вернувшемуся в СССР из Харбина в 1935 году, после работы на КВЖД, невероятно повезло. Он имел все шансы разделить трагическую судьбу большинства КВЖДинцев, расстрелянных в годы Большого террора. Но «харбинская операция» настигла его только в 1941 году, «рикошетом», – и, пройдя через тяжелейшее следствие, побывав на Лубянке, в Лефортово, в пыточной Сухановке, приговоренный к 15 годам лагерей, он чудесным образом все-таки остался жив.

Эти воспоминания написаны искренним и честным человеком. При их чтении может показаться, что автор порой даже слишком простодушен и наивен, лишен рефлексии, но именно это делает его рассказ достоверным, без лакун, умолчаний и вытеснений, присущих многим лагерным мемуарам. Поэтому ему удастся описать то, о чем рассказать очень трудно, – пытки и унижения, которым он подвергался во время следствия. И выжить ему удастся не за чей-то счет, а благодаря поразительной для его возраста (ему уже во время ареста за 50, и выходит он на свободу лишь через 14 лет) работоспособности, умелости, ясной голове и дружелюбию.

Заметки Степана Кузнецова не просто достоверны, они наполнены реалиями лагерной жизни, которые не вызывают ощущения перегруженности фактами или именами. Читать их увлекательно – это лагерная робинзонада человека, старающегося выкарабкаться из обстоятельств, которые неминуемо должны были бы обречь его на смерть от голода и непосильного труда. Один из секретов того, почему ему удалось выжить, – отношение к труду как к вечной ценности. Недаром он так болеет за урожай капусты, посаженный заключенными-инвалидами в безводной степи, так гордится выведенным в Спаске в тяжелейших условиях Степлага новым сортом помидоров, который получает название «Спасская красавица».

Именно искренность Степана Кузнецова позволяет в какой-то мере понять то, что сегодняшнему читателю осознать почти невозможно: как могли такие люди, как он, пройдя через сталинские тюрьмы и лагеря, оставаться преданными советской власти и Коммунистической партии. Ведь он знал, что сажают всех его друзей-харбинцев, понимал – узнал от следователя и на личном опыте, – что признательные показания сотрудники НКВД получают от арестованных под пытками, и что действуют они по указанию сверху. Но и это не могло поколебать его веру. Характерен эпизод в его воспоминаниях, когда, оказавшись в одной камере с заключенным-поляком и вернувшись с пыточного допроса, он «своему соседу не обмолвился ни единым словом о производимой экзекуции, считая, что этим позорным делом делиться с иностранцем не следует. Мы эти временные позорные явления как-нибудь внутри себя переживем, без вмешательства и сострадания со стороны».

И даже после многолетних лагерных мытарств он по-прежнему считает себя советским человеком и коммунистом, который и в каторжном лагере работает «на благо страны» – «не за страх, а за совесть», как он сам пишет. Эта вера в партию и в советскую власть, невозможность расстаться с идеалами своей молодости, вела в результате к двоемыслию, переходящему в самогипноз. И так было со многими коммунистами, которые, даже выйдя из сталинских лагерей, не хотели признать очевидного – ответственности партии и государства за массовый террор.

Однако эта вера не мешает Степану Кузнецову правдиво описывать бесчеловечный и проникнутый жестокостью и цинизмом мир ГУЛАГа, где эпизоды, касающиеся, например, женщин в лагере и поведения блатных, и многие другие, напоминают рассказы Шаламова.

Ценность этих воспоминаний еще и в том, что они принадлежат к числу ранних, написанных по свежим следам – после 20 съезда, но до публикации в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича» и вызванного этой публикацией потока лагерной мемуаристики. Их автор умер за полгода до того, как повесть Солженицына увидела свет. И будем справедливы – тогда его точку зрения разделяли многие, мечтая о возврате к «ленинским нормам», считая, что ответственность за то, что с ними было, лежит лишь на Сталине и органах НКВД. Поэтому Кузнецов и называет свои записки: «В угоду культа личности».

Конечно, он не мог тогда знать ни о механизме террора, ни об истинном размахе репрессий, ни о многом другом, о чем нам известно сегодня. Не знал о том, что его судьба, как и судьба сотен тысяч таких, как он, была predeterminedена распоряжениями и приказами, исходившими с самого верха. Этот труд – показать, как работала государственная машина, в жернова которой попал Степан Кузнецов, проделал спустя много лет его внук Сергей Прудовский.

Документы, собранные им в разных архивах, и создают фон для рассказа советского человека, помещенного в оруэлловский абсурд сталинской реальности.

И. Щербакова, председатель совета научно-информационного и просветительского центра «Мемориал»

Введение

Мой дедушка, Степан Иванович Кузнецов, родился 12 (24 по новому стилю) июля 1889 года, в деревне Шумилово Оленинской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии (ныне Богородский район) в бедной крестьянской семье. Отец, Иван Николаевич, – землекоп, мать, Евдокия Кузьминична, – крестьянствовала на имеющихся трех десятинах земли и растила пятерых детей – двух сыновей и трех дочерей.

Закончив 3 класса церковно-приходской школы, дедушка с 11 лет начинает трудиться в Нижнем Новгороде, где работает землекопом его отец: сначала моет посуду в трактире, а начиная с 1904 года и по 1911 год – маляром: то у различных подрядчиков, то на Сормовском заводе, то снова у подрядчиков, то снова на Сормовском... Несколько раз его увольняют за участие в рабочем движении.

В ноябре 1909 года дедушка женится на Елизавете Мельниковой, 16-летней девушке из той же деревни, а через два года, в октябре 1911-го, его забирают в солдаты. Местом службы определен арсенал Московского Кремля, его артиллерийские мастерские.

Февральскую революцию, как, впрочем, и Октябрьскую, воспринял с большим энтузиазмом и принял в них посильное участие, даже был избран от артиллерийских мастерских арсенала Московского Кремля в Московский совет солдатских депутатов. К моменту октябрьского большевистского переворота разделяет и поддерживает линию большевиков, а через год, в октябре 1918 года, Замоскворецкий райком ВКП(б) Москвы принимает его в члены партии.

С 1918 по 1920 год продолжает служить там же, в мастерских арсенала, но уже в качестве красноармейца. Затем поступает на рабфак им. Покровского 1-го Московского государственного университета, биологическое отделение которого оканчивает в августе 1922 г. С сентября того же года продолжает образование в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Оканчивает ее в январе 1927 года. Учебу совмещает с работой, сначала на выборной должности члена правления «Коопрабфаквуз»¹, затем в издательствах «Вести» ВУЦВКа УССР и «ТСА-кинопечать».

В мае 1928 года по решению ЦК ВКП(б) направлен на работу в отдел семеноводства Наркомзема РСФСР, откуда в апреле 1929 года командировается на Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД) для изучения агротехники соевых бобов. Командировку прервал вооруженный конфликт², и в конце июля 1929 года Степан Иванович возвращается в Москву, в Наркомзем.

Конфликт на КВЖД завершается в самом конце года, а уже в конце января 1930 года – новая командировка в Харбин. Задание – закупка посевного материала соевых бобов в количестве 300 тыс. пудов. По выполнении этого задания Управление КВЖД ходатайствует перед НКПС и Наркомземом РСФСР об оставлении Кузнецова на агрономической работе в Маньчжурии в должности коммерческого агента.

В 1931 году в Харбин приезжают жена Елизавета Андреевна и дочь Мария (моя мама), которая заканчивает там общеобразовательную семилетку, потом Индустриально-транспортный техникум КВЖД для детей граждан СССР и в 1934-м поступает в Харбинский Политехнический институт.

¹ Кооператив рабочих факультетов, созданный в мае 1921 г. В момент образования он объединял три крупных рабфака: 1) им. Покровского, 2) им. К. Маркса и 3) Пречистенский, с общим числом членов 1.500 чел. (Кооперативный справочник: Москва – 1922. Издание Московского Потребительского Общества, стр. 89.)

² Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге – советско-китайский конфликт, произошедший после захвата 10 июля 1929 года китайскими властями контроля над КВЖД. После бесплодных переговоров 12 октября начались наступательные операции Красной армии, в результате которых китайские войска понесли значительные потери. 22 декабря был подписан Хабаровский протокол, положивший конец конфликту и восстановивший статус дороги, существовавший до столкновений.

Дедушка успешно продвигается по служебной лестнице. В 1931 году его назначают заведующим Харбинским опытным полем, а уже в следующем году назначают врио начальника Земельного отдела Управления КВЖД. Им написаны несколько статей об агротехнике сои для периодического журнала «Вестник Маньчжурии», издававшегося в Харбине, и книга по аналогичной тематике.

После продажи КВЖД Маньчжоу-Го, в начале апреля 1935 года, дедушка с семьей возвращаются в Москву. Работает старшим агрономом – зав. сектором ЦУРС (Центральное управление рабочего снабжения) НКПС, а затем, в 1936 году, откомандирован в Наркомзем СССР, где занимает различные «агрономические» должности.

В феврале 1941 года по сокращению штатов уволен из Наркомзема и поступает на работу в Загорский прицесовхоз им. Ворошилова и занимает должность управляющего и агронома участка «Семхоз».

Таков вкратце жизненный путь моего дедушки до ГУЛАГа.

В 1961–1962 годах им были написаны две тетради воспоминаний, охватывающие период от ареста в 1941-м до освобождения в 1955 году – после 14-летнего пребывания в лагерях. Про период реабилитации он практически ничего не успел написать из-за смерти в 1962 году.

Оригиналы воспоминаний хранятся в архиве общества «Мемориал» (ф.1, оп.5 д. 1348). Воспоминания публикуются впервые.

Архивное уголовное дело № Р-2187 хранится в Центральном архиве ФСБ, часть документов из него и из семейного архива публикуется во второй части книги.

Все тексты воспроизводятся в соответствии с современными правилами орфографии, орфографические ошибки, опiski и опечатки исправлены без оговорок.

В угоду культа личности Воспоминания Степана Ивановича Кузнецова

Предисловие автора

Я долго раздумывал, стоит ли мне писать о тех грустных переживаниях, которые мне пришлось перенести за четырнадцатилетнее пребывание в лагерях, когда в течение многих лет в нашей стране царил произвол. Во имя культа личности направо и налево арестовывались члены КПСС, независимо от их заслуг перед революцией, от положения в партии и т. д. После раздумий я все же решил, что надо писать ради установления истины, тем более что на XXII съезде коммунистической партии Н.С. Хрущев в заключительном слове сказал: «Наш долг тщательно и всесторонне разобраться в такого рода делах, связанных со злоупотреблением властью... Но нужно, чтобы в истории партии об этом было правдиво рассказано, это для того, чтобы подобные явления никогда не повторялись».

Особенный произвол творился в отношении товарищей, которые партийными и правительственными органами направлялись работать за границу.

Эти товарищи посылались за границу как стойкие партийные и советские работники, но, когда они возвращались в пределы своей социалистической родины, на них смотрели как на иностранных шпионов, предателей родной Коммунистической партии. За ними устанавливалась слежка, потом их арестовывали вместе с женами, а их детей часто бросали на произвол судьбы, и многие из них становились беспризорными...

Их судили или же без суда и следствия ссылали в лагерь на 10–15–20 и 25 лет, где они терпели голод, холод и нечеловеческие издевательства; многие свое брэнное тело оставили на «девятой деланке» лагерей. Сколько было погублено ни за что старых и молодых человеческих жизней.

Одним из многих несчастных товарищей был и я. Не совершив никакого преступления против своей родной Коммунистической партии, против своей Социалистической родины, я все же по проискам врагов народа, в угоду культа личности, в 1941 году, в апреле месяце, был арестован и предан «Бутырскому» суду, именуемому Верховным судом Советского Союза, который приговорил меня к 15 годам ИТЛ.

Во время сидки в тюрьме меня подвергали самым гнусным издевательствам, какие в старой России творились в средневековые времена.

Меня клали на «правеж», избивали резиновыми палками до потери сознания и не давали воды.

За 14-летнее пребывание в лагерях чего только мне не пришлось перенести: и холод, и голод, и унижения, вплоть до ношения на спине, брюках и фуражке презренных номеров.

Сколько невзгод и унижений за это время претерпела моя ни в чем не повинная семья.

Сколько было написано жалоб мною и моей семьей на имя того или иного высокопоставленного лица в течение этих 14 лет в поисках справедливости и революционной законности.

Сколько в то время у меня было веры в тех или других высокопоставленных лиц, но, к моему стыду и сожалению, эта высокопоставленная «братия» работала не в угоду Советскому народу, не в угоду революционной законности, она работала в угоду культа личности, в угоду презренного врага партии и советского народа иностранного шпиона Берии.

И лишь со смертью Сталина и разоблачением Берии, как врага Коммунистической партии и Советского народа, Советский народ вздохнул свободно. И только тогда и для нас, и для наших семей наступило торжество свободы и справедливости...

1. Арест

Я в то время работал под Загорском Московской области, в одном совхозе агрономом.

Весна в разгаре, в совхозе идет усиленная подготовка к весенней посевной: трактора и сельхозинвентарь отремонтирован; посевной материал подготовлен; проверен на всхожесть, чистоту и влажность.

20 апреля был произведен первый выход в поле, так что все говорило в пользу того, что совхоз полностью готов к весенней посевной. Дело оставалось лишь за почвой, на которой еще лежал снег, в особенности в низких местах.

Вечером 24 апреля я созвал совхозный актив, на котором был рассмотрен пятилетний план раскорчевки леса и кустарника для расширения посевной площади совхоза. Заседание продолжалось допоздна, и мне пришлось ночевать у одного из работников совхоза, так как своей квартиры в совхозе у меня не было.

Утром 25 апреля 1941 года только что кончилась разрядка, я вошел в контору, сел за стол и приготовился позавтракать. Но не успел я выпить кружку молока, как ко мне в комнату без стука влетели три «молодчика», довольно солидных по комплекции, в штатской одежде.

Я был в недоумении, почему эти «молодчики» так бесцеремонно и нагло ворвались ко мне.

Не успел я еще от этой наглости очухаться, как один из них в довольно грубой форме обратился ко мне:

– Вы будете такой-то?

– Да, я.

– А чем вы можете это подтвердить?

Я, видя его наглость, в свою очередь обратился к нему:

– Скажите, пожалуйста, с каких это пор в Советском Союзе неизвестные люди так нагло врываются в дом, как бандиты, и требуют от хозяина документ, удостоверяющий личность? – И в свою очередь предлагаю этому «молодчику» предъявить мне его документ.

Он тогда полез в свой карман, вытащил маленькую книжечку и предъявил ее мне.

Это оказалось удостоверение личности, выданное НКГБ³ Союза.

После чего я ему предъявил свой паспорт.

Как только он удостоверился, что перед ним находится именно тот человек, который им нужен, он предъявил мне документ на право у меня обыска и ареста...

Конечно, я этому не стал сопротивляться, поскольку это было бы бесполезно – а главное, я считал, что все это есть какое-то недоразумение...

Первым делом все, что было у меня в карманах – партийный билет, профсоюзный билет, паспорт, часы и деньги, – я выложил на стол. Не доверяя мне, один из агентов, самый здоровый парень, проверил мои карманы, но там уже ничего не было – все лежало на столе.

Потом они стали производить тщательный обыск в моем письменном столе, а также в стоявшей здесь корзине.

Взяли у меня ключи от одной свободной комнаты и пошли туда с обыском, не приглашая меня.

Воспользовавшись свободным временем, я хотел возобновить свой прерванный завтрак, для чего спросил разрешения у присутствовавшего здесь агента, но он мне воспретил дотопить молоко и съесть кусок хлеба, вероятно, опасаясь, нет ли в молоке и хлебе отравляющих веществ.

³ Народный комиссариат Государственной безопасности был выделен 3 февраля 1941 г. из Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

Обыск окончен, документы отобраны, составлен соответствующий протокол, в котором не было записано ничего, инкриминирующего меня.

Протокол был подписан обеими сторонами, т. е. представителями НКГБ и мной.

После подписания протокола меня, как «важного государственного преступника», в сопровождении троих здоровенных «молодчиков», один из которых шел впереди, а двое по бокам, вывели из конторы.

Вышли на улицу; на улице в это время шел сильный мокрый снег, земля была покрыта белым, чистым снегом, как будто бы чистым белым саваном; ну, думаю, земля получит еще дополнительную влагу, а это для будущего урожая неплохо.

Так как их машина не въезжала на территорию совхоза, а остановилась примерно в 1,5 км от совхоза, то меня повели вдоль полотна железной дороги.

Дошли до машины, сели в нее. Меня посадили на заднее сиденье, а по бокам село по агенту, а один сел рядом с шофером. Поехали в Загорск...

В Загорске машина остановилась около гостиницы, где я временно проживал.

Один из агентов вышел из машины, а двое остались при мне; вышедший агент пошел в гостиницу, в номер, где я проживал, взял мои вещи – полотенце, мыло, зубную щетку и зубной порошок – и все это передал мне.

Потом поехали в районное отделение НКГБ. Здесь один из агентов снял телефонную трубку, набрал соответствующий номер и спросил кого-то: «Ну как у вас дела?»

Что ему ответил вызываемый им номер, для меня было неизвестно, но вызывавший сказал: «У нас все хорошо!»

Из этого разговора я понял, что он звонил ко мне на московскую квартиру и что там, вероятно, идет обыск. Если да, то надо полагать, что с обыском пришли ночью, с 24 на 25 апреля⁴.

В действительности так и было.

Вот, как мне рассказали впоследствии, было дело.

⁴ В протоколе обыска в московской квартире указано, что он начался в 11 часов дня 25 апреля и закончился в 2 часа ночи 26-го (Архив Международного Мемориала. Ф.1. Оп.5. Д.1348. Л.134 об.). В ходе обыска был наложен арест на имущество, лично принадлежавшее Кузнецову (книги и переписка по вопросам сельского хозяйства), которое было опечатано в 2-х корзинах и оставлено на хранение жене (ЦА ФСБ. АУД Р-2187. Л. 12.). Позднее, 21 мая, корзины были распечатаны, их содержимое изъято и доставлено в НКГБ. Тогда же, 26 апреля, был наложен арест и оставлены (по описи) жене на хранение ценные вещи (фотоаппарат, часы и т. п.); 29 сентября 1941 года эти вещи были изъяты и в тот же день сданы по Акту в Госфонд, как конфискованные (Архив Международного Мемориала. Ф.1. Оп.5. Д.1348. Л.136, 137). Кроме того, 26 апреля 1941 года были изъяты для доставления Кузнецову (в тюрьму) постельное и нательное белье, а также предметы гигиены. Все изъятые предметы сданы по описи дежурному помощнику внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД (Архив Мемориала. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1348. Л. 136). Подпись об их получении Кузнецовым в документах отсутствует. Обыски и изъятия производились и в других местах: – в Загорском птицевосхозе – с 8:30 до 10:30, 25 апреля 1941 г., изъяты личные документы, записные книжки, переписка, «клички порванных двух записок, написанные карандашом, всего 18 клочков»... (ЦА ФСБ. АУД Р-2187. Л. 10 и 11); – по месту предыдущей работы – в Наркомате совхозов РСФСР, 26 апреля 1941 г., изъято личное дело на 8 листах (Там же. Л. 9);

2. Обыск в квартире

В ночь на 25 апреля в квартиру пришли два офицера в форме НКГБ, прошли через коридор в комнату Полонских, там разделись и потом постучались в мою комнату; в комнате была одна жена.

Она была в недоумении: кто мог прийти к нам в столь позднее время? А еще больше была поражена, когда открыла дверь и увидела перед собой двух человек в военной форме.

Эти два молодца вошли в комнату и предъявили ей документы на право обыска⁵. Вместе с ними было двое уполномоченных⁶ из жильцов нашего дома.

После предъявления документа на право обыска они немедленно приступили к делу.

Обыск продолжался довольно долго.

Он проводился не только в моей комнате, но и на чердаке, в сарае – там копали и рыли землю, ища чего-то.

Впоследствии я узнал, что они искали где-то якобы зарытые в землю деньги.

Оказывается, Полонская Е.Н., живущая с нами в одной квартире⁷, рассказывала Щелкунову С.М., что я из Маньчжурии привез 25 000–30 000 руб. (показания Щелкунова на следствии⁸). А раз Полонская говорила Щелкунову, то, соответственно, она не могла умолчать и перед работниками НКГБ, но, к стыду агентуры, а главное, к стыду четы Полонских, нигде ничего инкриминирующего меня найдено не было.

При обыске было изъято:

– 2 фотоаппарата, из них один принадлежал дочери, на что из таможни было выдано свидетельство на ее имя;

– пишущая машинка «Ундервуд»;

– двое дамских золотых часов, принадлежащих жене и дочери.

Произвели опись домашних вещей, одежды и обуви, принадлежащих мне. Все это было оформлено соответствующим документом.

• • •

В Загорском отделении НКГБ пробыли 20–30 минут, а потом отправились в Москву.

В Москву меня доставили около трех часов дня – на Лубянку к зданию НКГБ.

⁵ Ордер на производство ареста и обыска (см. Документ 3.).

⁶ Понятых.

⁷ Коммунальная квартира располагалась на третьем, последнем, этаже дома 5 в переулке Садовских (сейчас – Мамоновский пер., дом 5., стр. 2). В ней проживало 6 семей. Семья дедушки занимала там одну, самую большую (22 м²) комнату.

⁸ Показания Щелкунова С. А. в АУД отсутствуют.

3. В тюрьме на Лубянке⁹

Ввели в здание, поместили в бокс. В боксе меня тщательно обыскали, заглядывая во все телесные верхние и нижние отверстия с приседанием...

И вот внизу пальто между швами как-то попала медная монета, о которой я не имел представления. Охранник, как только ее обнаружил, возгорелся радостью, что «вот, вы заранее готовились попасть сюда, потому и спрятали медную монету и думали пронести ее в тюрьму». Как я его ни убеждал, что это неправда и что вряд ли найдется какой-либо советский человек, который бы готовился заблаговременно попасть в этот дом, мои слова на него не имели никакого действия.

После обнаружения в моем пальто медной монеты охранник ожесточеннее стал расправлять швы моего пальто, обрезать пуговицы и отпарывать крючки у брюк, вследствие чего брюки перестали держаться и их пришлось все время поддерживать руками.

По окончании тщательного обыска меня препроводили в одну из комнат нижнего этажа.

Комната была просторная, чистая, паркетный пол, стены оклеены светлыми обоями. Эту комнату никак нельзя было назвать тюремной камерой, в ней не чувствовалось тюремного специфического запаха.

В комнате стояли три кровати, покрытые чистыми одеялами, сверху лежало по две подушки с чистыми наволочками; на каждой кровати имелось по две простыни. Кроме кроватей там был столик и две табуретки.

В комнате был я один.

Оставшись в комнате один, сел на табуретку и сильно призадумался над тем, что произошло со мной за этот день.

Я сам не верил, что я нахожусь в тюрьме. Откровенно говоря, я считал, что это какое-то недоразумение...

Мысленно просматривая свою прожитую пятидесятидвухлетнюю жизнь и двадцатитрехлетнее пребывание в рядах Великой Коммунистической партии, я не мог себе представить, чтобы где-нибудь, когда-нибудь я согрешил против своей родной партии и своего советского народа, и опять пришел к выводу, что это просто какое-то недоразумение... И вот, мол, недельки две подержат, все выяснят, разберутся и отпустят.

Я еще не терял надежды успеть хотя бы к концу весенней посевной...

Было около четырех часов дня, а я еще практически за день ничего не ел, проголодался и попросил дежурного, чтобы он дал мне чего-нибудь покушать.

Дежурный в дверное окошечко подал мне ломтик черного хлеба и яйцо, которое я принес с собой. Все это я скушал, после чего снял сапоги, лег на кровать и немного вздремнул.

Часа через полтора открылась в комнату дверь, вошел дежурный и повел меня к фотографу; фотограф меня сфотографировал, а в другой комнате сделали мне отпечатки пальцев.

Окончив все эти тюремные процедуры, меня опять привели в ту же комнату.

Дневные переживания не прошли для меня бесследно: во всем организме чувствовалась сильная усталость, меня клонило ко сну. Я разобрал постель, разделся, снял с ног сапоги и брюки, лег в постель и быстро заснул сном «праведника», оставив позади себя все дневные невзгоды...

⁹ Внутренняя тюрьма ГУГБ НКВД на Лубянке в 1920–1961 годах размещалась в бывшем здании гостиницы страхового общества «Россия» и использовалась для содержания под стражей особо важных подсудимых. На 1941 год вместимость тюрьмы была 570 человек. Адрес: г. Москва, ул. Большая Лубянка, д. 2. (<http://topos.memo.ru/vnutrennyaya-tyurma-na-lubyanke>).

Часов в 11 ночи¹⁰ сквозь сон слышу лязг ключей и звук открываемого замка. Отворилась дверь, и дежурный тихим голосом позвал меня и сказал, чтобы я одевался.

Я отозвался и стал быстро одеваться.

Меня повели куда-то на четвертый или пятый этаж.

Ввели в комнату, в комнате было много народу, мужчин и женщин. Женщины в большинстве своем работали на пишущих машинках, так что в комнате был сильный стук.

Мне указали стол, к которому надлежало подойти.

Я подошел к этому столу. За столом сидел молодой человек в штатской одежде. Он предложил мне сесть на свободный стул. Я сел.

Этот молодой человек оказался моим первым следователем.

¹⁰ Согласно протоколу допроса – в 19 часов (см. Документ 10).

4. Начало следствия

Прежде чем приступить к каким-либо вопросам, следователь спросил мою фамилию, имя и отчество, год рождения и т. д. . .

Я ему ответил на все вопросы. Он все ответы записал. Открыл папку и сообщил, что я «привлекаюсь по статье 58 п. п. 1а и 11».

Я все это выслушал с должным вниманием и, откровенно говоря, ничего из этого не понял: что из себя представляет ст. 58, да еще с пунктами 1а и 11, и за что я привлекаюсь?

Я попросил следователя разъяснить это. Следователь объяснил, что ст. 58 – политическая, пункт 1а гласит измена родине, пункт 11 – групповую измену, что, мол, «в этом гнусном деле вы не один участвовали, а участвовало несколько человек»¹¹.

Выслушав эти разъяснения, я немного приуныл. Мгновенно в моей голове заработала мысль: как это могло быть, когда и где я мог изменить своей Социалистической Родине и быть предателем Коммунистической партии? Да еще состоять в какой-то организации, которая якобы ставила целью свержение Коммунистической партии?

Нет! Все это неправильно: здесь кроется какая-то ошибка, кляуза или донос, которые в то время были распространены.

Я бывший рабочий. Активный участник трех Революций. В дореволюционный период неоднократно участвовал в рабочих забастовках. Член КПСС вот уже примерно четверть века. Был неоднократно членом Московского совета рабочих и крестьянских депутатов. Советская власть дважды доверяла мне выезд за границу. Коммунистическая партия и советская власть мне, малограмотному рабочему, дала высшее образование, и вдруг меня сделали искусственным путем изменником этой партии и своей Социалистической Родине.

Скрепя сердце я подписал предъявленную мне статью 58 с пунктами 1а и 11¹².

После подписи от следователя посыпались вопросы. . .¹³

Первый вопрос:

– Признаю ли я себя виновным в предъявленной мне статье и пунктам?

Ответ: нет, не изменял и никогда не буду изменником своей Родины и предателем своей Коммунистической партии!

И тут же следователю я задал вопрос:

– Скажите, какое у вас имеется основание, что я изменник Родине и предатель партии?

Прошу предъявить его мне. . .

Следователь мой вопрос оставил без ответа, будто бы он его не слышал.

Через некоторое время к столу следователя подошел военный, имея на погонах¹⁴ по одной шпале.

Он спросил следователя, как идет дело.

Следователь ответил, что «не сознается в своих преступных действиях».

Тогда этот военный стал на меня кричать, не стесняясь присутствовавших здесь людей. Вероятно, они привыкли ко всему этому.

– Если ты по уши залез в дерьмо, то от него надо очищаться!..

Я стою перед ними и, глядя в глаза, спокойно говорю: я ни в какое дерьмо не залез и очищаться мне не от чего.

¹¹ Ст. 58-1а – измена Родине, ст.58–11 – подготовка преступления (полностью текст статей см. Документ 96).

¹² Постановление об избрании меры пресечения (см. Документ 2.).

¹³ Протокол допроса от 25.04.1941 г. (см. Документ 10.).

¹⁴ Ошибка – погоны были введены в январе 1943 года. Правильно «на петлицах». Одна шпала на петлицах была у лейтенанта госбезопасности (соответствовало армейскому званию капитана).

Допрос продолжался примерно 2–3 часа в одном и том же духе.

Потом меня обратно отправили в отведенную мне комнату.

Я не мог прийти в себя после всей следственной процедуры, в особенности от предъявленной мне статьи и пунктов обвинения.

Думаю: в какую же грязную историю меня втискивают и какие серьезные обвинения мне предъявляются?

Но я и здесь не стал сильно беспокоиться, считая, что все основано на ложном доносе...

Ведь был же в 1937 году гнусный донос на меня со стороны Полонского С.З. Разобрались, и донос остался доносом; так почему же тому же Полонскому не сочинить вторичный донос, тем более что первый донос Полонскому прошел даром...

У меня была очень большая надежда на справедливость и беспристрастность нашего следствия...

Как я в то время был наивен и глуп, что верил в справедливость и беспристрастность следственных органов.

Несмотря на все мои дневные переживания, усталость брала свое. Я разделся, разобрал постель, лег в кровать и вскоре заснул крепким сном, забыв все дневные и ночные невзгоды.

Мой сон был недолгим. Вскоре я услышал звук отпираемого замка, в комнату вошел дежурный и объявил, что я должен быстро одеться, собрать свои вещи и выйти.

Я быстро встал, оделся, взял вещи, и дежурный вывел меня во двор.

Во дворе было еще темно, кругом глубокая тишина, с непривычки было жутко.

В стороне стоял воронок¹⁵. Дверь воронка открыли, и мне предложили войти. Я вошел в воронку и почувствовал, что здесь я не один, но кто здесь еще, я не знал, а спросить не решился. Перед посадкой мне сказали, чтобы я в воронке ни с кем разговоров не вел.

¹⁵ Воронок – машина с боксами, где еле вмещается по одному человеку, который, сидя на скамейке, упирается коленями в дверцу. (Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу. М.: «Просвет», 1991.)

5. В Лефортовской тюрьме

Примерно около шести часов утра меня привезли в Лефортовскую тюрьму¹⁶.

Ввели в бокс, произвели тщательный обыск, заглядывая в верхние и нижние телесные отверстия, да еще с приседанием; а потом отправили в душевую; после принятия душа привели в камеру и водворили на временное место жительства.

В камере стояли три кровати, две уже были заняты, а третья предназначалась мне.

Так как подъема еще не было, дежурный мне предложил разобрать кровать и лечь, что я и сделал.

Постель была чистая, на ней были две простыни, подушка с чистой наволочкой, одеяло. Причем во время сна одеялом накрываться разрешалось лишь до подбородка, голова должна была быть открыта.

Не прошло и получаса, как объявили подъем. Мы встали, заправили постели, протерли тряпками панель, которая была выкрашена масляной краской, цементный пол, оправились и умылись здесь же, в камере, где стоял стульчак и раковина для умывания.

Прошла проверка, нам предложили завтрак: хлеб, кашу, чай с сахаром. Позавтракали.

Во время завтрака я познакомился со своими камерными товарищами: один из них был студент Московской консерватории, арестованный за какие-то анекдоты; другой – поляк, нелегально перешедший польско-советскую границу.

Тот и другой здесь содержались уже примерно по 2,5–3 месяца, так что до некоторой степени им уже были знакомы местные тюремные порядки...

Впоследствии они меня проинформировали, как у них ведется следствие, как к ним применяют те или иные физические воздействия, и пояснили: чтобы избежать физических воздействий со стороны следствия и сохранить себя и свою жизнь, надо во всем соглашаться со следователем и безоговорочно подписывать протоколы, составленные им.

Для меня, советского человека, не искушенного еще тюремной жизнью, не знавшего всех «прелестей» ведения следствия, все это было большой новостью.

В моей голове не укладывалось, как это можно, чтобы советский человек, да еще член партии, не совершивший никакого преступления перед своей родиной, наговаривал на себя... И кому – советскому следователю?

Кому надо искусственным путем множить количество преступников?

В тот же день, примерно в 10 часов, меня вызвали к следователю.

Я встретил того же молодого человека в штатском костюме, который меня допрашивал во внутренней тюрьме НКГБ.

Он приветливо меня встретил и предложил мне стул, стоявший у маленького столика.

Когда я сел на стул, следователь стал меня знакомить с существующими порядками, т. е. как должен вести себя подследственный. В частности, он сказал:

– На стуле можете сидеть свободно, положив ногу на ногу, руки можно класть на колени.

При входе в комнату постороннего лица из начальствующего состава или обслуживающего персонала подследственный должен вставать. Это будет служить приветствием вошедшего.

¹⁶ Лефортовская тюрьма – с 1920-х годов за «Лефортово» закрепилась репутация места заключения с особо строгим режимом: преступников из других тюрем нередко переводили туда в качестве дисциплинарных взысканий. Однако особую известность она приобрела как место массового применения пыток после перехода в 1936 году в ведение органов госбезопасности, под крылом которых оставалась вплоть до 2005 года. В настоящий момент – изолятор центрального подчинения ФКУ СИЗО № 2 ФСИН России. Адрес: г. Москва, ул. Лефортовский Вал, д. 5 (ул. Энергетическая, д. 3а). (<http://topos.memo.ru/lefortovskaya-tюрма>).

Впоследствии на одном из допросов я как-то с возмущением сказал «черт возьми!» и тут же за это выражение у следователя попросил прощения.

На что мне следователь ответил: «Здесь можете выражаться любыми словами».

Первым делом следователь спросил мою биографию.

Я ему все рассказал, он все записал в протокол.

Потом стал спрашивать, как я дошел до того, что стал изменником Родины.

Я ему ответил: «Я изменником Родине не был и не буду».

Он составил протокол, я его подписал, и часа в четыре дня он меня отпустил в камеру.

Пришел в камеру, мне немедленно принесли обед. Я пообедал, снял сапоги и лег на постель, не снимая одеяла.

Перед моими глазами опять встала следственная процедура, опять навязывание измены Родине без упоминания каких-либо доказательств...

Прошла вечерняя поверка. Я разобрал постель, лег спать, старался быстрее заснуть, но сон меня не брал. И вот часов в 10 вечера открывается дверь, и дежурный тихим голосом называет мою фамилию; я встаю, мне предлагают быстрее одеваться и следовать за дежурным.

Опять нарушили сон, я снова у следователя, который задает одни и те же вопросы¹⁷.

Стали интересоваться, кем и когда я был послан в Северную Маньчжурию, на КВЖД¹⁸.

Этот вопрос, вероятно, задавался для проформы, так как следователь обо всем этом великолепно знал из имеющегося материала в моем личном деле.

Я следователю объяснил, что в Северную Маньчжурию я ездил два раза.

Первый раз в 1929 году для изучения культуры соевых бобов, сроком на 8 месяцев. Там пробыл всего лишь 2,5 месяца. Вследствие китайско-советского конфликта¹⁹ вернулся на Родину. Ездил нас три человека.

Вторично меня послали в 1930 году, в январе, для закупки соевых бобов как посевного материала, в количестве 300 000 пудов сроком на два месяца.

Задание было довольно солидное, но я его не боялся и выполнил в положенный срок.

А потом, по ходатайству управления КВЖД и с разрешения Наркомзема РСФСР и НКПС меня оставили в распоряжении управления КВЖД.

Причем следователь заметил: «Мы знаем, что ты там проделал большую работу».

Следователь спрашивает: кто подписывал командировки?

Первую подписал нарком земледелия РСФСР Яковенко, а вторую – нарком земледелия Муралов А.И.²⁰

Следователь спрашивает:

– Кроме закупки соевых бобов, какие еще получали задания от Муралова?

Меня этот вопрос удивил, и я сказал, что кроме закупки соевых бобов никаких заданий Муралов мне не давал; более того, когда я собирался ехать в Маньчжурию, никого из наркомов я не видел...

¹⁷ Протокол допроса от 26.04.1941 (см. Документ 11).

¹⁸ КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога. Совместное советско-китайское предприятие. Правление располагалось в г. Харбине.

¹⁹ См. сноску 2 на с. 7.

²⁰ Указаны ошибочно. В.Г. Яковенко был наркомом земледелия РСФСР в 1922–1923 годах. Первую командировку, вероятно, подписал Александр Иванович Муралов, зам. наркома земледелия в 1928–1929 годах, а вторую от 20.01.1930 г. – кто-то из заместителей народного комиссара путей сообщения (вероятно, Г.И. Благонравов – Архив Мемориала, ф.1, оп.5, д.1349, л.179).

6. Смена следователя

С первым следователем мне пришлось быть всего несколько дней, а потом он меня передал другому следователю, предупредив, что он со мной будет обращаться более сурово, так что во избежание будущих неприятностей лучше мне сознаться во всех прегрешениях, совершенных против Родины.

Я ему ответил, что за мной нет никаких прегрешений перед Родиной и Коммунистической партией, так что мне сознаваться не в чем.

Наступило Первое мая, пролетарский праздник труда. Весь советский народ радостно и торжественно его встречает и проводит, а мне грустно, грустно...

Думаю: как этот радостный день проводят мои родные? Но им, вероятно, тоже не до веселья.

Вот уже прошло 4 дня, а меня к следователю не вызывают, но, откровенно говоря, я об этом не печалюсь. В течение этих дней я имел возможность спокойно спать по ночам, никто меня не беспокоил. Но это спокойствие скоро нарушилось.

5 мая²¹ в 10 часов утра меня вызвали к следователю. Я пришел в кабинет и увидел: за столом следователя сидят два молодых человека, мой следователь в штатской одежде и другой – в военной форме. На погонах²² у него было три кубика, этот молодой человек оказался моим новым следователем.

Через несколько минут мой первый следователь покинул кабинет, и я остался с новым²³.

В течение примерно двух-трех суток новый следователь не задавал мне никаких вопросов, а лишь знакомил с правами подсудимого. Он часто оперировал словами великого гуманиста Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Вероятно, эти слова великого гуманиста очень понравились следователю, так как он их часто употреблял в течение всего следствия.

На эти слова я ему отвечал, что формулировка Горького, вероятно, относится к врагам народа, но я не враг народа, это вы хотите искусственным путем из меня сделать врага, но вам этого сделать не удастся...

Кончились дни знакомства со следователем, а потом потянулись беспроблемные, мучительные дни и ночи, которые продолжались до 29 июня 1941 года.

Выше уже было отмечено, что следствие мне предъявило чудовищное обвинение – «измена Родине», а отсюда вытекает и «предательство своей Коммунистической партии».

Против такого нелепого обвинения я категорически возражал и просил следователя, чтобы он предъявил конкретные факты, на основе которых хоть косвенно можно было бы «пристегнуть» мне измену Родине.

Но следователь, при всем ко мне пристрастии, не мог привести ни письменного, ни устного факта, так как такового в природе не существовало.

По данному вопросу от следователя я неоднократно слышал ответ: «Вы сами расскажете, за этим столом все подпишете, что нам надо...»

Я ему ответил:

– Такого документа я вам не подпишу. Может быть, я подпишу нужные вам показания, когда вы меня доведете до бессознательного состояния, возьмете мою руку, вставите между пальцами ручку и будете ее водить по бумаге...

На это следователь мне цинично ответил: «Да, мы так сделаем».

²¹ Дата указана ошибочно. Правильно «6 мая» (см. Документ 14).

²² Ошибка, правильно «на петлицах». В органах безопасности: 3 «кубика» – мл. лейтенант ГБ, 2 – сержант ГБ.

²³ Постановление о принятии дела (см. Документ 12).

Следствие велось самыми жесткими и недозволенными методами...

Следственные и прокурорские органы в то время находились в руках заядлых врагов народа и партии в лице заклятого врага советской власти, империалистического наймита Берии и его ближайших сообщников Рюмина и Абакумова, а также множества исполнителей их гнусных дел; все велось к тому, чтобы заставить меня подписать нужный им фиктивный материал.

Ежедневно, кроме воскресенья, следствие начиналось с 10 часов утра и продолжалось до 5–6 часов вечера, а возобновлялось в тот же день с 10 часов вечера до 6 часов утра следующего дня²⁴.

Следствие работало по 16–20 часов в сутки.

Этот садистский метод следствия продолжался с 10 часов утра понедельника и заканчивался в 6 часов утра воскресенья. Мне приходилось спать одну ночь в неделю, с воскресенья по понедельник.

В остальные дни недели получалось так. Только после вечерней поверки разберешь постель, разденешься и ляжешь, как не успеешь сомкнуть свои очи и подумаешь: может быть, сегодня не вызовут?

Ан, слышишь по коридору шаги солдат, вот шаги конвоя у нашей камеры; может быть, это идут в соседнюю камеру?

Нет, слышишь звук ключей и лязг отпираемого замка. Открывается дверь, в камеру входит солдат и тихо называет твою фамилию.

Только в постели согрелся, а тут вставай – и так бы во всю мочь своего голоса и закричал бы: «Не пойду!»

Но что поделаешь, раз попал в лапы палачей.

Быстро встаешь, одеваешься, тебя ведут два солдата, с руками назад в следственный корпус, сдают под расписку дежурному.

Впереди снова бессонная, мучительная ночь... Ранним утром два солдата приводят в камеру.

Только разденешься, ляжешь в постель, не успеешь сомкнуть глаз, как объявляют подъем. И так изо дня в день...

Мои товарищи по камере неоднократно говорили: «Подпишите все, что надо следователю, и тогда прекратятся все ваши мучения. Иначе вас доведут до могилы».

И сами рассказывали, что с ними проделывали следователи во время их следствия, как их ставили к стене и заставляли стоять несколько часов, сажали в холодный карцер и занимались рукоприкладством.

Откровенно говоря, я их словам не верил и считал, что это не что иное, как злостная провокация и злостная клевета на Советских следователей. В особенности не верил словам поляка.

Я не допускал мысли, чтобы Советский следователь мог применять насилие над беззащитными политическими подследственными.

Я не допускал мысли, что мой следователь, член партии, дойдет до такой низости и позволит применить ко мне физическое воздействие и иные недозволенные методы следствия...

Время шло, и следствие продолжалось тем же порядком...

Как только наступало воскресное утро, следователь резко приступал ко мне с одним и тем же вопросом:

– Ну расскажите, как вы докатились до измены Родине?

Ответ:

²⁴ За время пребывания в Лефортовской тюрьме (с 5 по 24 мая и с 27 июня по 7 июля 1941 года) в журнале вызовов на допрос (см. Документ 91) зарегистрировано 26 вызовов, хотя в АУД имеются только 13 протоколов допросов за этот период времени (см. Документы 14–24, 28, 29).

– Изменником Родины я не был, не являюсь и не буду!

После моего ответа следователь дает мне протокол, я его подписываю, он вызывает солдат, и они ведут меня в камеру.

В течение недели следователь задавал довольно много разнообразных вопросов.

Он интересовался, с кем я дружил в бытность мою на КВЖД, с кем и когда я выпил рюмку водки и где эти люди находятся в настоящее время.

Я очень добросовестно, без утайки старался вспомнить всех моих знакомых, их фамилии, у кого и сколько раз я был в гостях.

О том, где они в настоящее время, был один ответ – арестованы.

Иногда в течение недели раза два приезжал на подмогу моему следователю высший начальник.

И вот тогда начиналась свистопляска.

Поставят меня между собой и то с одной, то с другой стороны начинают перекрестный допрос, и не знаешь, куда, в какую сторону поворачивать голову и давать ответы.

Прибывшее начальство в первую очередь обращалось ко мне с вопросом:

– Почему до сих пор вы не подписываете протокол?

– Протоколы мною все подписаны, так что вы это на меня говорите напрасно.

Начальство начинает нервничать и кричать...

– Вы расскажите, как попали по уши в дерьмо и очищаетесь! Ну ладно, к следующему моему появлению вы все подпишете...

Отвечаю:

– Хорошо.

Однажды вечером к следователю в кабинет официантка приносит три стакана чаю и к нему три порции печенья; два стакана и две порции печенья ставит перед следователями и один стакан с порцией печенья на отдельный столик.

Я смотрю и думаю: почему она принесла три стакана и три порции?

Вскоре этот вопрос разрешили.

Старший офицер сказал, чтобы я присел за стол, где был чай и печенье.

Я присел, но печенье и стакан с чаем не беру. Хотя, откровенно говоря, с каким бы удовольствием я выпил чай и скушал печенье!

Старший офицер, видя, что я ни к чему не притрагиваюсь, говорит:

– Что же вы не берете чай и печенье? Не беспокойтесь, мы не хотим вас этим купить!

После этих слов я выпил чай и скушал печенье, а потом перешел за свой стол.

Закончилось чаепитие с печеньем, и следствие пошло обычным порядком...

Вопросы, ответы, запутывание, и так до 6 часов утра.

С каким настроением, бывало, ждешь субботы: неделя кончается, и вот хоть бы один-единственный день побыть в камере и спокойно поспать одну ночь в неделю, невзирая на все неприятности...

И так продолжалось до 24 мая 1941 года.

И вот в субботу 24 мая на очередном ночном допросе следователь мне говорит: «Следствие идет плоховато, может быть, нам надо сменить обстановку? Не лучше ли нам выехать на дачу, где по утрам будем слушать щебетание птиц, дышать свежим лесным воздухом и там вы будете более сговорчивым, чем здесь?..»

Это было сказано с большой иронией и издевкой.

В этом вопросе, поскольку никакого согласия моего не требовалось, я, можно сказать, был бессловесной скотиной – куда меня пастух погонит, туда я и шел.

В этот вечер, подписав протокол дознания, в котором был лишь один вопрос – «Признаете ли себя виновным в измене Родине?», – я ответил: «Нет, не был и не буду».

После этого следователь меня отпустил немного пораньше. Ну, думаю, сегодня посплю подольше, чем в предыдущие ночи.

Привели в камеру, разделся, разобрал постель, лег.

Не знаю, сколько минут я пролежал в постели. Слышу позвякивание ключей и лязг открываемого замка. Открывается дверь, в камеру входит дежурный и тихим голосом называет мою фамилию.

Я отозвался.

Он мне предложил собрать вещи и следовать за ним...

Я быстро собрал свой скудный скарб, простился с товарищами по камере и последовал за дежурным.

Меня вывели во двор, было еще темно, кругом стояла могильная тишина.

Меня подвели к стоящему воронок, открыли дверку и предложили в нее войти.

Я вошел в воронку, за мной быстро закрылась дверка; чувствую, что кто-то в воронке есть, я не одинок. Но кто есть, я не знаю. Воронка тронулся с места и повез меня в неизвестном направлении.

7. В Сухановской тюрьме

Мы ехали примерно около часа, въехали во двор, во дворе уже было светло. Открылась дверка воронка: меня провели немного по двору и ввели в бокс. В боксе на одной стене было нацарапано «Кольцов». Я еще подумал: не Михаил ли Кольцов, который в это время был уже арестован?

В боксе меня вновь тщательно обыскали, вплоть до присядки и заглядывания в верхние и нижние человеческие отверстия.

После обыска меня повели в корпус, стоявший посередине двора; с виду он напоминал церковное здание.

Меня ввели в здание, на второй этаж. Дежурный указал камеру – мое будущее временное место жительства.

Я вошел в камеру. В ней никого не было. Положил на стол свой скудный скарб. Дежурный сказал, чтобы я шел в уборную оправляться, так как было время подъема и оправления.

Я пошел в уборную, там был человек, сильно обросший волосами, – мой будущий сосед по камере.

Он обратился ко мне с вопросами, я не стал отвечать и сказал, что поговорим, как придем в камеру.

Я уже выше отмечал, что этот день был воскресенье, так что для следователей и нас он был выходным, и мы с сокамерником были предоставлены сами себе.

После оправки и поверки мы привели камеру в порядок: протерли сырой тряпкой стены и пол. Принесли завтрак: суп, кашу, хлеб, сахар и чай. Мы позавтракали и стали вести тихий разговор.

Он мне коротко рассказал о себе: бывший рабочий, железнодорожный путеец, в 1918 году пошел добровольцем в Красную армию, всю Гражданскую войну провел на фронтах, в основном в Средней Азии; в последнее время был командующим войсками Туркменской ССР. Арестован в 1937 году, осужден на 10 лет ИТЛ, приехал из Воркуты на переследствие и здесь уже находится два месяца.

Рассказывал о жизни в лагере в довольно мрачном виде.

Рассказал маленький эпизод из лагерной жизни: «Сижу однажды в бараке, на нарах, в кругу таких же лагерников, обсуждаем вопросы лагерной жизни. Ко мне подходит один из лагерников, в гимнастерке, с военной выправкой, и обращается ко мне с вопросом:

– Скажите... Вы во время Гражданской войны не служили в рядах Красной армии?

– Да, служил.

– Не были ли вы в Старой Бухаре?

– Да, был.

– Не помните ли вы, как в вас стреляли?

– Да, помню.

– Так вот это я в вас стрелял. Вы в то время были за красных, а я за белых, но, как видите, судьба нас столкнула вместе, и не где-нибудь, а в Воркуте, в лагере».

Потом мой напарник стал интересоваться тем, кто я и в чем меня обвиняют.

Стал меня спрашивать, не знаком ли я с Амосовым?

Да, фамилию Амосов я слышал, но ни с каким Амосовым не знаком.

– Амосов сидит в камере напротив нас, и я с ним веду разговор посредством перестукивания по трубам парового отопления.

Все эти не нужные мне разговоры, расспросы и рассказы не имели никакого интереса, но только заставляли меня насторожиться...

Я оказался прав: за тот период, что я с ним просидел в одной камере, он ни разу не перестукивался с Амосовым.

До меня с ним сидел один политический подследственный, и он своими провокаторскими расспросами заставил его нехорошо отзываться о руководящих работниках, в частности, о Сталине, за что [этот подследственный] и поплатился...

Меня он также неоднократно наводил на такие же разговоры, но из этого ничего не вышло, я на него смотрел как на наседку²⁵.

Камера, в которую меня поместили, была рассчитана на двоих, с двумя кроватями, вделанными в стену; на день они запирались.

Посередине камеры стоял столик и два круглых цементных стула; то и другое было прочно зацементировано в пол.

В углу круглые сутки стояла параша, так как на оправку выводили всего два раза в сутки – утром и вечером. В остальное время пользовались парашей, вследствие чего в камере воздух был испорчен...

Мой сосед объяснил, что это знаменитая Сухановская тюрьма²⁶. Здесь ранее был Сухановский монастырь.

В понедельник 26 мая в 10 часов утра за мной пришли два солдата и сказали, чтобы я одевался. Я оделся, вышел из камеры, и меня подхватили под руки и довольно быстро повели по двору в следовательский корпус.

Ввели в одну из комнат, где уже сидел следователь.

Я с ним поздоровался, и он мне указал на стул.

С этого дня опять пошли одни и те же вопросы и расспросы, а иногда я целыми сутками сидел, и следователь не задавал ни единого вопроса, или же вели разговоры, совершенно не относящиеся к следствию²⁷.

Если было тяжело сидеть в Лефортовской тюрьме, то в Сухановской во много раз тяжелее: нормально давали спать одну ночь в неделю, с воскресенья на понедельник; в течение недели я не имел возможности ни на одну минуту сомкнуть глаз.

В Лефортовской тюрьме я могу днем лечь в постель и хоть на минуточку сомкнуть свои очи, и от этого становилось немного легче.

В Сухановке сидишь на круглом цементном стуле, возьмешь в руки книжку (моему соседу разрешалась выписка книг для чтения), и невольно глаза закрываются – но тут же щел-

²⁵ Наседка – заключенный, специально подсаженный к другому заключенному (чаще всего в следственной тюрьме), дабы вывести то, что нужно начальству. (Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу. М.: «Просвет», 1991.)

²⁶ Сухановская особорежимная тюрьма располагалась в 40 км южнее Москвы, на территории Свято-Екатерининского монастыря, вблизи бывшего имения Суханово. 23 ноября 1938 года Берия, будучи еще заместителем Ежова, направил Председателю Совнаркома Молотову письмо: «В связи с возникшей необходимостью оборудовать особо изолированную тюрьму специального назначения при ГУГБ НКВД нами намечено использование для этой цели территории и зданий Сухановского монастыря, переустройство которых под тюрьму может быть произведено в месячный срок». (ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 22а, д. 125, л. 5.) В тюрьме содержались Ежов и многие руководители НКВД, попавшие под бериевскую «чистку» 38–39-го годов, режиссер Всеволод Мейерхольд, публицист Михаил Кольцов, писатель Исаак Бабель и многие-многие другие... Официальное название тюрьмы было «Спецобъект 110», а чекисты именовали ее «Дача Берии» или просто – «дача». Как тюрьма «Сухановка» просуществовала до середины 60-х годов прошлого века. (Головкова Л.А. Сухановская тюрьма. Спецобъект 110. М.: Возрождение, 2009.) Александр Солженицын так описал «Сухановку» в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Сухановка – это та страшная тюрьма, которая только есть у МГБ. Ею пугают нашего брата, ее имя выговаривают следователи со зловещим шипением. (А кто там был – потом не допросишься: или бессвязный бред несут, или нет их в живых). Сухановка – это бывшая Екатерининская пустынь, два корпуса – срочный и следственный из 68 келий. Везут туда воронками два часа, и мало кто знает, что тюрьма эта – в нескольких километрах от Горок Ленинских и от бывшего имения Зинаиды Волконской. Там прелестная местность вокруг». («Архипелаг ГУЛАГ», том 1, глава 5.)

²⁷ Протоколы не составляли, если не было каких-либо новых сведений. За почти месяц пребывания в Сухановке в деле появились всего три протокола допросов: 27 мая, 7 и 20 июня. (см. Документы 25–27.). На запрос в ЦА ФСБ об ознакомлении с журналом вызовов на допросы Сухановской тюрьмы получен ответ – «документы не выявлены».

кает крышка дверного глазка и часовой смотрит, что делается в камере, и ты вздрагиваешь и открываешь глаза...

Встаешь, бывало, ходишь из угла в угол по камере размером в 3–4 шага, и ходишь до тех пор, пока не устанешь, разгонишь дремоту и опять сядешь на стул...

Кроме этого, здесь я был лишен несчастной пятнадцатиминутной ежедневной прогулки. Лишен был ежемесячной выписки продуктов на сумму 75 рублей.

В камере разговаривать между собой совершенно было невозможно из-за большого резонанса. Часовой ежеминутно открывает «волчок»²⁸ и повелительным тоном говорит – прекратите разговоры!..

Одним словом, везде и всюду тебя старались изнурить, обессилить, чтобы сломить твою сопротивляемость...

В первое время я не знал, что в Сухановке подследственным разрешается по распоряжению следователя делать выписку. У моего соседа всегда была выписка – как видно, он был на особом положении. Причем он сказал, что у него на личном счету 200 рублей уже 8 месяцев, хотя никто ему денег не переводил.

В один из вечеров, сидя у следователя, я спросил:

– Почему мне не разрешается выписка продуктов, если в Лефортовской тюрьме она мне разрешалась?

– А что бы вы хотели выписать?

– Мыло, сахар, зубной порошок и грамм 100 сливочного масла.

Он, смеясь, ответил:

– Какой вы наивный. Я вас изнуряю, изматываю, а вы хотите сливочного масла, чтобы подкрепить себя. Что вы, с ума сошли!

Так в выписке мне было отказано.

Особенно сильное действие на нервную систему оказывало следующее: ночь, сидишь у следователя, кругом тишина, и вдруг слышишь, как из соседних комнат раздается истерический крик, плач, стоны мужчин и женщин...

Сначала я думал, что это инсценировка.

Я не мог и представить, чтобы в советской тюрьме такими недозволенными методами велось следствие.

Наконец я не вытерпел и спросил своего следователя:

– Скажите, разве советское законодательство разрешает такими методами, как избивание и другие физические воздействия, вести следствие?

Он мне ответил:

– Партия и правительство в отдельных случаях разрешают применять над подследственными физические меры воздействия²⁹. Впереди вас ожидает такая же участь.

Действительно, в скором времени слова следователя сбылись...

Частенько следователь мне говорил: «Сознавайся, не признавайся, все равно судить тебя будем и ты пойдешь в Земельный отдел, но если признаешься, то мы тебя переведем на Лубянку, там условия во много раз лучше, чем здесь, и ты не будешь мучить себя и меня».

²⁸ Волчок – то же, что и глазок – небольшое отверстие в двери тюремной камеры, через которое наблюдает надзиратель. (Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу. М.: «Просвет», 1991.)

²⁹ «ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме». Из Шифротелеграммы И.В. Сталина секретарям обкомов, крайкомов и руководству НКВД—УНКВД о применении мер физического воздействия в отношении «врагов народа». (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145–146. Подлинник. Машинопись.)

Как только меня перевели в Сухановку, следовательно из Москвы переехал сюда. В Москву он выезжал в воскресенье утром и обратно в Сухановку приезжал в понедельник утром, к 10 часам.

Все это, вместе взятое, очень сильно отразилось на моей нервной системе.

Я стал страдать галлюцинациями. Смотришь на оконное стекло, и ясно представляется, что на нем нарисовано, как Дубровского втокнули в клетку к медведю и медведь бросается на Дубровского...

Я не верил своим глазам и неоднократно к окну подводил своего соседа: «Ну вот, смотри, тут ясно видно, как Дубровский борется с медведем»...

Мой сосед по камере старался убедить меня, что на стекле нет ничего, а это лишь галлюцинация, потому что ты сильно переутомился...

Но несмотря на его здравые доводы, я оставался при своем мнении и ежедневно по несколько раз подходил к окну и проверял сам себя: на стекле Дубровский борется с медведем...

Или было так. Смотришь на головку оконного шпингалета, и кажется, что это не головка шпингалета, а головка моей дочери. А дальше на стекле мне представлялось: иду я со своей женой полем, а вдали стоит моя мать, моя сестра и сестра жены Мария, и провожают нас все они, печальные и грустные.

Такие видения мне представлялись еженощно...

Я уже не говорю о том, что, идя на допрос к следователю, еле-еле двигаешь свои ноги, а ведущие тебя с двух сторон солдаты изо всех сил стараются, чтобы ты шел быстрее, вероятно, боясь, как бы кто с тобой не встретился из таких же несчастных людей...

Однажды я не выдержал и сопровождающим меня солдатам заявил, что иду нормальным шагом и не нужно меня гнать!

Отпускает тебя следователь в 5–6 вечера. Казалось бы, этому должен радоваться, как в Лефортовской, но нет: лучше сидеть у следователя, чем идти в камеру, зная, что в ней находится человек, который своими расспросами вызывает тебя на провокацию.

И если ты неосторожно выступишь какое-то слово, то оно немедленно будет передано следователю...

Единственная для меня была отрада – наступление утра.

Сидишь уже совсем измученный, несколько раз с разрешения следователя сходишь в уборную, намочишь холодной водой платок и, сидя у следователя, прикладываешь его к своим сонным глазам, чтобы разогнать несносную дремоту.

Но вот забрезжило, скоро наступит рассвет, к окну прилетят птички и защебечут, предвестники рассвета.

Сначала прилетают сороки, сядут на деревья перед окном (зонтов на окнах в следовательском корпусе не было), защебечут. Вот, мол, и мы прилетели приветствовать вас, несчастных...

Потом прилетают воробушки, в большинстве своем стайками; сядут на деревья и начинают чирикать, приветствовать восход солнца.

А потом прилетают галки...

С каким нетерпением ждешь их прилета. С их прилетом заключаешь, что еще одна мучительная ночь кончилась.

Тяжело и грустно было сидеть в Сухановке в воскресный день.

В этот день у Сухановки собиралось много народу, особенно молодежи и детворы.

Жизнь за стенами Сухановки была ключом. Через форточку в камеру вливались радостные, веселые пионерские песни, звуки рожка горниста и барабанного боя.

Игра на гармонии и пение русских народных и революционных песен и частушек...

Эти веселые и радостные дни для народа так тяжело ложились на сердце. Все это очень тяжело переживалось, и кто этого не испытывал, тому трудно понять. Как бы хотелось броситься в постель, накрыться одеялом и лежать, ничего не слыша. Но, к сожалению, постель на замке, и ее откроют лишь после вечерней поверки...

Понедельник, 23 июня, я только что от следователя пришел в камеру. Мой сосед спрашивает:

– Ты в следовательском корпусе ничего не слышал?

– Нет, да что там услышишь? А что?

– Объявлена война, с кем, пока не известно, не то с Германией, не то с Англией.

– Ты откуда это узнал?

– Только что передали из соседней камеры. Сосед пришел от следователя и там услышал эту нерадостную весть.

Необходимо отметить, что заключенные очень чутки и наблюдательны к каждому новому событию, примечают все до мельчайших подробностей...

Возьмите Сухановку: уж насколько там было строго, не проникало ни одно постороннее слово, а вот объявлена война, и о ней уже знают заключенные...

Сообщение оказалось верное. На другой день на окна поставили деревянные ставни, лампочки светло-прозрачные заменили синими...

На ночном допросе следователь заявил, что он меня оставляет на целую неделю. Раз не признаешься, так оставайся! Конечно, я такому сообщению был бесконечно рад: ну, думаю, после отъезда следователя отдохну и ночи буду спать спокойно, никто меня тревожить не будет...

27 июня 1941 года, ранним утром нас разбудил звук отпираемого замка, мы оба проснулись, за кем пришли – не знаем.

Дверь открылась, вошел солдат и тихим голосом назвал мою фамилию. Я встал с койки, и он мне сказал, чтобы я одевался, брал свои манатки и следовал за ним.

Я взял манатки, простился со своим вынужденным соседом, и солдат меня повел вниз по лестнице во двор.

Во дворе уже стоял воронок, готовый к приему столь важного государственного преступника. Посадили меня в воронку и повезли, а куда – неизвестно...

Когда я сел в воронку, я задался целью хотя бы приблизительно узнать, на каком расстоянии от Москвы находится эта Сухановка, куда направляют «злейших врагов Советской власти»?

Для этого я стал вести устный счет от точки отправления до конечной остановки, независимо от того, куда меня привезут.

И вот от точки отправления меня привезли в Лефортово, и я насчитал 3750; причем мы останавливались на железнодорожном переезде, во время остановки я счет не вел.

Если считать один счет равным одной секунде, то мы ехали 3750 секунд, или примерно один час с небольшим. Если скорость воронки примерно 40 км в час, то Сухановка от Лефортово находится примерно в 40–45 км.

8. Снова в Лефортовской

В Лефортовскую меня привезли около 5 часов утра, поместили в бокс.

В боксе произвели тщательный обыск; потом я принял душ, после чего отвели в камеру.

В камере стояли две койки. На одной лежал молодой человек лет 28–30, а вторую занял я.

Молодой человек по национальности оказался поляк, хорошо говоривший по-русски.

Он говорил, что он польский офицер из армии Андерса³⁰, нелегально пробрался через польско-советскую границу в армию Андерса, был арестован на одном из московских вокзалов.

Вблизи нашего окна камеры на улице стоял громкоговоритель, передавали речь Молотова³¹, нам ее хорошо было слышно, но неразборчиво.

День я провел в камере; кончилась поверка, разобрал постель, лег под одеяло. Думал, ночью никуда не вызовут и буду спать спокойно, но мой прогноз оказался неверен.

Только я стал засыпать, как дверь камеры открыли, вошел дежурный и тихим голосом назвал мою фамилию.

Я встал с постели и подумал: опять надо идти на мучение?..

Одедся, вышел из камеры, меня подхватили под руки два солдата и повели в следовательский корпус.

Там меня ввели в довольно большую комнату, в которой уже находилось шесть довольно выхоленных офицеров, в том числе пять офицеров мне незнакомых, но не было моего следователя.

Такого большого количества офицеров на моем допросе еще никогда не было, и я подумал: для каких целей их собралось так много?

Вскоре эта загадка была разгадана.

Не успел я оглядеться как следует в комнате, как старший офицер, имеющий на погонах в петлицах две «шпалы»³², довольно зычным голосом, какого я еще на следствии ни разу не слышал, закричал: «Будешь ли ты давать следователю показания или нет?»

Я перед ним стою в недоумении: не думал, чтобы высшие офицеры так хамски обращались с подследственными...

Отвечаю:

– Я следователю показания даю, и следователь этими показаниями исписал не менее 100 страниц.

Мой ответ его не удовлетворил, и он довольно грозно закричал:

– Что ты мне говоришь об этих показаниях, давай то, что нам надо, а эти показания мы можем уничтожить! А что, если мы тебя свидетельскими показаниями уличим, и тогда что с тобой делать?»

Я отвечаю:

– Если у вас есть материалы, которые бы вам давали хоть малейший намек, что я словом или делом опорочил свою родную Коммунистическую партию или Советскую власть, или изменил им, то не надо со мной церемониться, а без суда и следствия на этом основании расстрелять. Я член партии, бывший рабочий, участник трех революций, активно боролся за Совет-

³⁰ Армия (группа) Андерса была разбита советскими войсками 27–28 сентября 1939 года, а сам Андерс взят в плен. Нелегально пробираться в армию Андерса на территорию СССР этот заключенный не мог, так как решение о создании в СССР польской армии было принято 11 июля 1941 года, а генерал Владислав Андерс, бывший командир Новогрудовской кавалерийской бригады, был назначен командующим польских формирований в СССР только 6 августа 1941 года.

³¹ Непонятно, какая речь имеется в виду, так как выступление по радио В.М. Молотова по поводу начала войны состоялось 22 июня 1941 года.

³² Знак различия 2 «шпалы» имел старший лейтенант госбезопасности, одну – лейтенант госбезопасности.

скую власть и, если изменил своей Коммунистической партии и Родине, то не заслуживаю никакой пощады!

Вероятно, мои слова пришлись не по вкусу этому садисту, и он тут же отдал распоряжение своим подручным, чтобы они принесли резиновую палку.

Младшие офицеры не заставили себя долго ждать, быстро принесли резиновую палку и передали ее старшему офицеру.

Старший офицер, получив в руки орудие пытки, приказал мне снять сапоги, спустить брюки и кальсоны до колен и лечь на пол вниз животом.

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться этому варварскому средневековому приказанию гражданина офицера, иначе бы эти пять подручных молодчиков в офицерской форме силой бы заставили меня это сделать.

Для меня только тут стало ясно, для каких целей сюда пришли эти пять молодчиков.

Я снял сапоги, носки, спустил до колен брюки и кальсоны, но прежде чем лечь на правееж, сказал: «Если вам партия и Советское правительство дало право производить такие зверские методы следствия над невинными советскими гражданами, то я подчиняюсь и ложусь».

9. На правеже

В старое, проклятое время на правёж клали на скамейку, а тут скамейки не было. Я лег на пол.

На пол я лег вниз животом, жду экзекуции. И вот экзекутор в лице старшего офицера с резиновой палкой в руках подошел ко мне, ноги мои заложил между своими ногами, чтобы я их не мог раздвинуть, и резиновой палкой стал наносить по подошвам ног ожесточенные удары.

От этих ударов у меня была нестерпимая боль, я стал громко кричать, но этот палач в офицерской форме не переставал делать свое варварское средневековое дело...

Им этого показалось мало. Палачи заставили меня встать к специально поставленному стулу задом к экзекутору, упираясь руками в сиденье стула.

И тот же палач, в офицерской форме, резиновой палкой стал мне наносить удары по голове заднице...

Били до полной потери моего сознания...

Избиение наконец прекратилось. Я немного пришел в себя, попросил глоток воды: мне его дали. Ну, думаю, экзекуция закончилась...

Но нет, второй офицер, на погонах в петлицах с одной «шпалой», взял в руки ту же резиновую палку, поставил меня к тому же стулу и в том же порядке стал меня избивать...

Но им и этого показалось мало. Снова меня положили на пол вниз животом, мои ноги зажали между своими ногами, и экзекутор с большим остервенением стал по подошвам ног наносить удары той же палкой.

Я с трудом терпел невыносимую физическую и нравственную боль: с сердцем было очень плохо, вот-вот оно выскочит из груди.

Я стал кричать очень громко, но это не помогло, экзекуция продолжалась...

И вот, под действием, вероятно, экзекуции, я невольно выпустил «ветер». Тогда мои истязатели отскочили от меня, как черт от ладана, они ведь с виду казались людьми благородными, не переносящими посторонних запахов, быстро открыли дверь для проветривания комнаты.

После этого я вздохнул и попросил у них глоток воды для успокоения сердечной деятельности.

Старший палач мне на это ответил:

– Подпишешь – дам!

– Нет, не подпишу, можете избивать сколько хотите, но не подпишу!

И глотка воды мне не дали.

Наконец экзекуция закончилась, мне разрешили сесть, но сидеть было невозможно...

Старший палач после столь трудной физической работы, как видно, был сильно утомлен. Лег на диван отдохнуть.

Лежа на диване, он притворился спящим, а сам украдкой с прищуренными глазами следил за мной, а его подручные в лице пяти лейтенантов отдыхали, сидя на стульях...

В моей экзекуции не участвовал мой следователь, чему я был очень рад. Мой прогноз, что он меня бить не будет, оправдался; но его предупреждение оказалось правдой.

Так что крик и плач, которые я слышал, сидя в следовательском корпусе ночью, не были инсценировкой...

В этой комнате меня продержали примерно 4 часа.

Но вот старший палач соизволил открыть глаза и дал распоряжение, чтобы я надевал сапоги.

Только я стал надевать сапоги, он сказал:

– Как видно, мы его мало били! Смотрите, он еще сам надевает сапоги!

Я ему ответил:

– Хорошо постарались, за это вам спасибо!

Меня вывели из экзекуторской комнаты, и два солдата препроводили меня в камеру, куда я еле-еле дошел. Сильно болели отбитые подошвы ног.

Когда я лег в постель, у меня из глаз невольно потекли слезы. Перед моими глазами предстала вся эта варварски гнусная картина экзекуции.

Мне невольно вспомнились те времена, когда везде и всюду на Руси царила розга: в школе, на конюшне помещика, в казарме, в полицейском и сыскном управлении и т. д.

Но потом это было уничтожено, и вот праведж все же возобновился: и когда, где?!

Мне было обидно и стыдно, в особенности когда следователь объяснил, что это гнусное варварское дело они делают с разрешения партии и правительства.

Истязатели считали, что делают государственно важное дело. Надо было видеть, с каким наслаждением они смаковали это позорное для Советского гражданина и члена КПСС дело. Я еще тогда не был исключен из партии, а был исключен лишь в марте 1955 г., просидев в лагере, без месяца, 14 лет.

Мне было обидно и больно, что эти палачи прикрываются именем Великого Советского Союза, именем Великой Коммунистической партии...

Своими садистскими методами они старались опорочить ни в чем не повинного члена партии, чтобы он клеветал сам на себя, что он изменник Родины и предатель партии. Этим они хотели оправдаться перед партией и правительством, что они невинных людей не берут, особенно членов партии.

И только спустя 15 лет со дня моего ареста Центральный комитет КПСС вскрыл весь гнойник, царивший в органах НКГБ и МВД под руководством матерого врага народа Берии и его ближайших соратников, и все это делалось во имя культа личности...

Утром встали, позавтракали, я своему соседу не обмолвился ни единым словом о производимой надо мной экзекуции, считая, что этим позорным делом делиться с иностранцем не следует. Мы эти временные позорные явления как-нибудь внутри себя переживем, без вмешательства и сострадания со стороны...

28/VI я вызвал тюремного врача, он посмотрел на моем теле следы от избиения резиновой палкой, дал мази и каких-то порошков и, ничего не сказав, удалился...

В ночь с 28 на 29 июня меня вновь вызвал следователь³³.

Снова посыпались от него одни и те же вопросы, и в конце концов следователь стал нервничать и кричать.

– Подпишешь или нет?

– Не подпишу! Изменником я не был и не буду!

– Что, хочешь получить по-вчерашнему?

– Можете издеваться надо мной сколько угодно, я в ваших руках, но то, что вам надо, я не подпишу.

На этом допрос закончился.

29/VI, воскресенье, день отдыха мучителей и мучеников. Мы собрались отдохнуть и послушать с улицы радио. Но неожиданно в камеру вошел дежурный солдат и вызвал меня к следователю; я в недоумении – почему следователь меня вызывает в воскресный день? Этого никогда не бывало. Может быть, повторится экзекуция?

Надо одеваться, ничего не поделаешь.

Одеваюсь, меня ведут к следователю.

Следователь уже сидит за своим столом и ждет меня.

³³ 29 июня датированы 2 допроса. Первый начался в 0:45, а второй в 17:00, причем второй протокол не подписан следователем (см. Документы 28 и 29).

Вокруг лежат папки, как видно, с неоконченными делами. Он их связывает, а по коридору снуют младшие офицеры, все чем-то сильно возбуждены, все суетятся и спешат...

Вопреки правилам, следователь меня сажает за свой стол напротив себя и спрашивает:

– Ну как, не пора ли нам закончить следствие?

Я отвечаю, что не возражаю.

А у самого в голове невольно пробегают мысли, что с окончанием следствия, вероятно, я буду избавлен от тех неприятностей, какие я претерпел во время следствия.

10. Окончание следствия и подписание ст.206

Следователем был составлен протокол³⁴. Я подписал ст. 206 об окончании следствия. После подписания ст. 206 следователь мне предложил ознакомиться с материалами следствия.

³⁴ Протокол об окончании следствия (см. Документ 30).

11. Ознакомление с материалами следствия

Протоколы, которые следователь давал мне на подпись, я бегло просматривал, зная, что в них ничего не добавлено.

Меня интересовало, нет ли здесь каких-либо иных материалов, кроме этих протоколов.

И вот я встретился с такими грязными материалами, что было стыдно не за себя, а за следственные органы. Они даже не гнушались принять к сведению все квартирно-кухонные сплетни.

Например, дегенератки Дрессен-Луковниковой, дегенерата Семенова-Полонского С.З. и его жены Семенов-Полонской Е.Н. Причем в этих материалах фамилия мужа и жены Полонских не фигурировала: они действовали через дегенератку Дрессен-Луковникову, которая по их наущению писала заявления в следственные органы.

Там же находилась выписка из допроса Щелкунова Семена Матвеевича³⁵.

На вопрос «сколько я из Харбина привез денег» ответ Щелкунова был: «Полонская Е.Н. мне говорила, что из Харбина он привез 25–30 тысяч рублей».

В заявлении Дрессен-Луковниковой³⁶ значится, что мы с Татарниковым Алексеем Николаевичем убили человека... Что в 1932 году из Харбина в Москву приехала моя пятнадцатилетняя дочь: я, мол, ее спрашивал, как она доехала, и она ответила, что ей помог царь Николай. Что моя семья в религиозные праздники печет куличи! Семенов-Полонский сказал, что я порочил колхозную систему, что не все колхозы живут зажиточно и т. д.

³⁵ В АУД выписка из допроса Щелкунова отсутствует и в описи не значится.

³⁶ Заявление Дрессен (см. Документ 5).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.